

DOI: 10.31857/S086919080026493-9

ВОЕННЫЕ ЭЛИТЫ ПАКИСТАНА В ПОИСКАХ «СТРАТЕГИЧЕСКОЙ ГЛУБИНЫ»: ЭВОЛЮЦИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ¹ КОНЦЕПЦИИ

© 2023

Г.Г. МАКАРЕВИЧ ^а

^а – ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-8037-0973; gmakarevich@imemo.ru

Резюме: В статье рассматривается концепция «стратегической глубины», которой якобы руководствуются военные элиты Пакистана. Автор дает определение понятию и выделяет набор вытекающих из него проблем, анализирует истоки восприятия северо-западных территорий военными элитами Пакистана и последовательно прослеживает эволюцию комплекса рассматриваемых вопросов.

Обращение к теории элит видится необходимым для выделения конкретных социальных групп, влияющих на выбор приоритетов в вопросах обороны и безопасности. Историческая социология международных отношений является методологическим базисом исследования, позволяющим оценить объективное влияние прошлого на характер действий рассматриваемых социальных групп, а также рассмотреть их попытки конструирования внешнеполитических угроз во внутриполитических целях.

Комплекс проблем «стратегической глубины» можно условно поделить на три составные части: проблема демаркации и делимитации границы с Афганистаном, контроль над пограничной территорией со стороны Пакистана, а также возможность использования нестабильности в указанных регионах со стороны третьих стран.

Автор полагает, что сами проблемы и предпочтительные методы их решения пакистанские элиты «унаследовали» от британской администрации. Это подразумевает не только преемственность во внимании к проблемам обороны и безопасности на северо-западе страны, но и способ мышления в рамках геополитических конструкторов.

Ни одна из задач по обеспечению «стратегической глубины» после возвращения талибов к власти так и не была достигнута. Правительство в Кабуле не готово признать линию Дюранда, противостояние ДТГ и федерального центра лишь обострилось, Нью-Дели и Кабул возобновляют диалог.

Пакистанское командование уравнивает угрозы со стороны Индии и Афганистана, что позволяет военным элитам страны обосновывать свою особую миссию по отражению внешних угроз и сохранению государственности. Можно предположить, что весь комплекс проблем останется в повестке военных элит на долгосрочную перспективу, поскольку внутриполитическое измерение «стратегической глубины» имеет большее значение, чем внешнеполитическое и военно-стратегическое.

Ключевые слова: Пакистан, Афганистан, Индия, Пуштунистан, «стратегическая глубина», региональная безопасность, военное планирование.

¹ Статья опубликована в рамках проекта «Посткризисное мироустройство: вызовы и технологии, конкуренция и сотрудничество» по гранту Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (Соглашение № 075-15-2020-783).

Для цитирования: Макаревич Г.Г. Военные элиты Пакистана в поисках «стратегической глубины»: эволюция и перспективы концепции. *Восток (Oriens)*. 2023. № 6. С. 130–140. DOI: 10.31857/S086919080026493-9

PAKISTAN'S MILITARY ELITES IN SEARCH OF "STRATEGIC DEPTH": THE CONCEPT'S EVOLUTION AND PROSPECTS²

© 2023

Gleb G. MAKAREVICH ^a

^a – Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO),
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-8037-0973; gmakarevich@imemo.ru

Abstract: *The article deals with the concept of "Strategic Depth" that allegedly determines Pakistan's military elites' course of action. The author gives a definition to "Strategic Depth" and points out the issues relating to the term, analyzes the roots of Pakistan's military elites' perception of the Frontier and traces the evolution of the issues considered.*

The author invoked elite theory to identify certain social groups involved in prioritizing defense and security policies. The historical sociology of international relations makes it possible to assess the influence of the past on the essence of the social groups' decisions, and to consider their attempts to construct outer threats for domestic purposes.

The concept of "Strategic Depth" could be divided into three aspects: the demarcation and delimitation of the Pakistani-Afghan border; control over the Frontier area in Pakistan, and the possible usage of instability in these territories by other countries.

None of "Strategic Depth"'s aims has ever been achieved after the Taliban takeover. The Taliban government in Kabul is not ready to recognize the Durand line, the confrontation between the TTP and the Centre has only escalated, New Delhi and Kabul are resuming their dialogue.

The Pakistani military elites equally perceive the threats from India and Afghanistan, which allows them to justify their special mission to repel external threats and preserve statehood. It can be assumed that the whole range of problems will remain on the agenda in the long term, since the domestic dimension of "Strategic Depth" is of greater importance than the foreign and strategic one.

Keywords: Pakistan, Afghanistan, India, Pashtunistan, "Strategic Depth", regional security, military planning.

For citation: Makarevich G.G. Pakistan's Military Elites in Search of "Strategic Depth": The Concept's Evolution and Prospects. *Vostok (Oriens)*. 2023. No. 6. Pp. 130–140. DOI: 10.31857/S086919080026493-9

Основным направлениям внешней политики государств принято давать «естественные» обоснования, отдавая приоритет анализу географического фактора. Дискуссию о концепции «стратегической глубины», которой якобы руководствуется военно-политическое руководство Пакистана, принято вести в том же ключе: боязнь «стратегического окружения» со стороны Индии и Афганистана вынуждает пакистанский истеблишмент уделять особое внимание политике в отношении Кабула.

²The article was prepared within the project "Post-crisis world order: challenges and technologies, competition and cooperation" supported by the grant from Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation program for research projects in priority areas of scientific and technological development (Agreement № 075-15-2020-783).

На наш взгляд, военные элиты Пакистана как главный политический субъект в стране руководствуются иными соображениями. Хотя достоверных подтверждений о существовании концепции «стратегической глубины» в открытом доступе не имеется, пакистанские элиты действительно переняли подходы британской колониальной администрации к комплексу проблем, связанных с Афганистаном и пограничными территориями. Однако задачи по демаркации и делимитации границы с Афганистаном, контроль над пограничной территорией со стороны Пакистана, а также возможность использования нестабильности в указанных регионах со стороны третьих стран имеют гораздо большее внутривнутриполитическое значение.

В качестве методологической основы статьи автором избран комплексный подход, сочетающий теорию элит и историческую социологию международных отношений. Обращение к теории элит видится необходимым для выделения конкретных социальных групп, влияющих на выбор приоритетов политики обороны и безопасности. Историческая социология международных отношений является методологическим базисом исследования, позволяющим оценить объективное влияние прошлого на характер действий рассматриваемых социальных групп, а также рассмотреть их попытки конструирования внешнеполитических угроз во внутривнутриполитических целях.

Проблеме афгано-пакистанских отношений и связанных с ними проблем посвящено множество исследований как в отечественной, так и зарубежной литературе. Большое значение в ходе работы над статьей имели труды В.Я. Белокреницкого, Н.А. Замараевой, Ю.Н. Паничкина. Работы А. Шаха, Р. Акрама и М.С. Хетрана позволили представить пакистанский взгляд на проблему, а Дж. Мехера, Т. Девашера, Р. Догры – индийский. Важную роль сыграли работы британских и американских историков и политологов. В качестве источников привлекались мемуары британских и пакистанских военных, официальные программные документы, материалы СМИ.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ «СТРАТЕГИЧЕСКОЙ ГЛУБИНЫ»

Концепцию «стратегической глубины» Пакистана принято обозначать как доктрину, подразумевающую поддержку нахождения у власти в Кабуле благожелательного по отношению к Исламабаду правительства, что исключало бы «стратегическое окружение» Пакистана недружественными державами, а также давало возможность маневра пакистанским вооруженным силам в случае полномасштабной войны с Индией.

Существование и концептуальное оформление этой стратегии в Исламабаде и Равалпинди не вызывает сомнений в Нью-Дели [Meher, 2012]. Считается, что наличие стратегии, разработанной в годы правления М. Зия-уль-Хака (1977–1988), подтвердил начальник штаба сухопутных войск Пакистана генерал М.А. Бег [Rumi, 2017].

Сам генерал опровергает, по крайней мере, военный аспект доктрины, указывая на невозможность отступления на территорию Афганистана, поскольку главной задачей вооруженных сил является «защита всей территории Пакистана и развитие контрнаступления на территории условного противника». Употребляемое им словосочетание «стратегическая глубина» якобы означало союз сильных и развивающихся мусульманских государств – Пакистана, Афганистана и Ирана [General Bek Explains, 2017].

С такой аргументацией трудно спорить. Более того, нахождение экономического центра страны в Панджабе, Синде и частично Белуджистане (портовая инфраструктура на Макранском побережье) предполагает, что вооруженные силы Пакистана должны быть сосредоточены на отражении угрозы со стороны Индии, поскольку даже успех оперативного масштаба в виде прорыва индийских вооруженных сил к крупным агломерациям

автоматически превращается в стратегический успех. Возможное вторжение со стороны Афганистана, парадоксальным образом, такого стратегического значения иметь не будет.

Убедительное подтверждение существования доктрины «стратегической глубины» отсутствует. Однако реальный комплекс проблем, присутствующих на афгано-пакистанской границе, был обозначен еще в мемуарах главы первого военного режима и президента Пакистана М. Айюб Хана. Его можно условно поделить на три составных части: проблема демаркации и делимитации границы с Афганистаном, контроль над пограничной территорией со стороны Пакистана, а также возможность использования нестабильности в указанных регионах со стороны третьих стран [Ayub Khan, 1967, p. 172–175].

Все перечисленные проблемы встали перед военно-гражданским руководством Пакистана сразу после обретения независимости, но остаются с ними по сей день – даже после повторного прихода к власти Движения Талибан (ДТ). Возникает вопрос: что заставляет пакистанских военных стратегов уделять такое большое внимание афгано-пакистанской границе и прилегающей территории, населенной пуштунами?

Нам представляется, что как сами проблемы, так и предпочтительные методы их решения пакистанские элиты «унаследовали» от британской администрации и военного командования. Это подразумевает не только преемственность во внимании к проблемам обороны и безопасности на северо-западе страны, но и способ мышления в рамках геополитических конструкторов. Следовательно, для понимания мотивов военных элит Пакистана на «афганском направлении» нам необходимо рассмотреть условия их формирования.

БРИТАНСКОЕ ВОСПРИЯТИЕ ПОГРАНИЧЬЯ С АФГАНИСТАНОМ

Проблема демаркации и делимитации афгано-пакистанской границы, а также контроля над пограничной территорией уходит корнями в колониальное прошлое. Стремясь защитить Индию от возможного вторжения Российской империи, англичане пытались обезопасить северо-западные границы своих владений. Так, полковник Э. Дюранд в своих мемуарах настаивает, что «каждый, у кого была возможность заниматься рассматриваемым вопросом, не имеет никаких сомнений, что русские верят в возможность захвата Индии» [Durand, 1899, p. 2–3].

Чтобы снизить вероятность такого развития событий, британцы пытались превратить Афганистан в буферную зону между двумя империями, в том числе – военными методами. Если Первая англо-афганская война (1839–1842) ввиду отсутствия ясного целеполагания и конкретного плана действий после оккупации страны окончилась для колониальной армии катастрофой [Forbes, 2007 (1), p. 105–124], то во Вторую англо-афганскую войну (1878–1880) британцы провели успешную кампанию и покинули Афганистан в полной уверенности, что угрозы их безопасности хотя бы отчасти нивелированы [Forbes, 2007 (2), p. 164–169].

Впоследствии афганское правительство было вынуждено подписать Соглашение о линии Дюранда 1893 г., согласно которому населенные пуштунами земли делились на две части, одна из которых оставалась за эмиром Абдурахман-ханом, а вторая – за британской администрацией. Особенность соглашения заключалась в том, что пуштунские земли не были в полной степени аннексированы британцами: создавался «фронт» – граница сфер влияния без четкой демаркации и делимитации. В то же время Абдурахман-хан не разрывал контактов с племенными вождями за линией Дюранда – он присылал им деньги, вооружение и подарки, а также регулярно приглашал для участия в джирге (совещании) в Кабуле [Dogra, 2017, p. 137–140].

При этом контроль над регионом воспринимался в качестве гарантии безопасности всей Индии – в Лондоне не переставали опасаться вторжения через Хайберский проход (*Khyber Pass*) вплоть до начала Второй мировой войны. На протяжении всей первой половины XX в. британцы искали способы для снижения издержек по контролю над территориями пуштунских племен.

Такой мерой, например, стало повышение роли военно-воздушных сил вместо размещения армейских гарнизонов [Omissi, 1990, p. 47–50], а также выстраивание системы непрямого управления посредством соглашений с племенными старейшинами (*maliki system*) [Roe, 2010, p. 87–88]. Британцам так и не удалось выработать единой эффективной стратегии – слабое знакомство с местными реалиями, неоднородность общественно-политического уклада среди племен, манипуляции со стороны старейшин и недоверие соплеменников к ставленникам британцев, как правило, приводили к восстаниям и вооруженным столкновениям с колонизаторами [Ali et. al., 2020].

Однако с некоторыми представителями местного населения британцам удалось выстроить доверительные отношения. В ходе афганских кампаний британцы отмечали высокий боевой дух, храбрость и предприимчивость пуштунов, а потому стремились нанимать их на службу в Индийскую колониальную армию (*Indian Army*). Впервые пуштунские подразделения зарекомендовали себя во время подавления Сипайского восстания 1857–1858 гг., а впоследствии их число лишь росло и составило значительную часть пакистанских военных элит [Devasher, 2022, p. 75–95]. Перед получением независимости 19% личного состава Индийской колониальной армии составили пуштуны из Северо-Западной Пограничной Провинции (СЗПП) [Shah, 2014, p. 16].

Им, а также другим подразделениям будущих вооруженных сил Пакистана пришлось решать тот же комплекс проблем, что и британцам – охранять границу с Афганистаном, поддерживать порядок в полосе пуштунских племен, противодействовать росту влияния стратегического противника в Кабуле.

ПРОБЛЕМЫ ДВУСТОРОННИХ ОТНОШЕНИЙ АФГАНИСТАНА И ПАКИСТАНА

После обретения независимости Пакистан был вынужден не только находиться в постоянной готовности к военному столкновению с Индией, но и отстаивать свой суверенитет над пуштунскими регионами страны.

Еще в годы борьбы против британских колонизаторов у пуштунов СЗПП появился свой лидер – А. Гаффар-хан. Он выступал против присоединения провинции к Пакистану и настаивал на создании «Свободного Пуштунистана». Такие требования получили поддержку в Кабуле, где рассчитывали на вхождение земель восточных пуштунов в состав королевства, хотя сам А. Гаффар-хан такую опцию не рассматривал. Настойчивость лидера Мусульманской лиги и отца-основателя Пакистана М.А. Джинны, а также подозрения британцев по поводу участия Москвы в кампании за «Свободный Пуштунистан» предопределили присоединение СЗПП к Пакистану.

Афганистан стал единственной страной, проголосовавшей против вступления Пакистана в ООН, что было подано как знак протеста против установления границы по линии Дюранда. После подавления волнений в Северном Вазиристане, вызванных арестом А. Гаффар-хана, Афганистан стал активнее выступать за создание независимого Пуштунистана, границы которого должны были включать СЗПП, полосу пуштунских племен, Белуджистан, Калат, южные белуджские государства Лас Бела, Макран, Каран [Паничкин, 2005, с. 316–330].

Свержение монархии и приход к власти М. Дауда в 1973 г. стало дополнительным фактором обострения отношений: новый лидер Афганистана разделял идею создания Пуштунистана, а также поддерживал белуджских сепаратистов. Кроме того, просоветская

ориентация нового режима в Кабуле гарантировала ему внушительную внешнюю поддержку. В тот период представления о стремлении СССР расширить сферу своего влияния укоренились в военных элитах Пакистана настолько же прочно, как в свое время среди британского офицерского корпуса.

Руководство Пакистана во главе с премьер-министром З.А. Бхутто считало необходимым разработать ответные меры. Будучи уверенным в том, что афганское правительство поддерживает пуштунских и белуджских сепаратистов, З.А. Бхутто поручил Межвидовой военной разведке (MBR, *Inter-Services Intelligence, ISI*) наладить контакты с афганскими исламистами и обеспечить их возможностью дислоцироваться в Северном и Южном Вазиристане. Уже в середине 1970-х гг. MBR патронировала Г. Хекматъяра, Б. Раббани и А.Ш. Масуда – будущих военачальников гражданской войны в Афганистане [Fair, 2014, p. 115–120].

Ввод ограниченного контингента советских войск в Афганистан стал поворотным моментом в истории афгано-пакистанских отношений. Во-первых, начавшаяся тогда гражданская война в Афганистане не утихала на протяжении последующих нескольких десятилетий, став одним из главных вопросов национальной безопасности Пакистана. Если изначально военный режим генерала М. Зия-уль-Хака рассматривал советское вмешательство во внутреннюю политику Афганистана одновременно как угрозу для Пакистана, так и возможность привести к власти в Кабуле лояльное Исламабаду правительство [Weinbaum, 1994, p. 11–29], то спустя некоторое время невозможность напрямую контролировать какую-либо политическую силу в Афганистане стала очевидна и для пакистанских элит – соседняя страна стала лишь перманентным источником проблем.

Во-вторых, хотя вовлеченность Исламабада в конфликт – снабжение моджахедов вооружениями и боеприпасами, создание тренировочных лагерей на территории Пакистана, отстаивание позиции антикоммунистических сил на международных площадках – и позволяла добиться поддержки со стороны США и других западных стран, но после снижения их интереса к продолжительному конфликту Исламабад оставался с проблемой фактически «один на один». Так произошло в 1990-е гг., а также после вывода войск США и их союзников в 2021 г.

Наконец, расчет на стабилизацию ситуации в пуштунских районах после победы «пропакистанских» сил (такowymi воспринимались талибы как в 1996, так и в 2021 г.) в Афганистане также не оправдался. Даже если Кабул не настаивает на образовании Пуштунистана, то решительно выступает против демаркации границы, которую Исламабад проводит посредством строительства блокпостов и ограждений. При этом противостояние не ограничивается дипломатическими демаршами – во время обострения конфронтации стороны подвергают друг друга и артиллерийским обстрелам [McKay, 2023].

Таким образом, военным элитам Пакистана так и не удалось добиться выполнения первой задачи – признания линии Дюранда в качестве официальной границы между государствами дружественным правительством в Кабуле. Урегулирование отношений с Афганистаном должно было способствовать обеспечению безопасности районов, через которые проходят маршруты Китайско-пакистанского экономического коридора (КПЭК), углублению торговых и транзитных связей между Афганистаном и Пакистаном, осуществлению совместных проектов в области связи и энергетики, отказу от использования территорий стран для укрытия боевиков [Замараева, Раванди-Фадаи, 2021]. Последний пункт особенно беспокоит военные элиты Пакистана, что определяет их политику в отношении пограничных территорий.

ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ПУШТУНАМИ ПАКИСТАНА И ФЕДЕРАЛЬНЫМ ЦЕНТРОМ

После образования независимого Пакистана в стране сложилось два центра пуштунского ареала. Первый – провинция Хайбер-Пахтунхва (бывшая СЗПП, включает области

Малаканд, Хазара, Мардан, Пешавар, Кохат, Банну и Дераисмаилхан). После проведения административной реформы Территорий племен федерального управления (ТПФУ) 2018 г. в состав провинции также вошли семь агентств из так называемой «полосы пуштунских племен» – Баджаур, Куррам, Моманд, Оракзай, Северный Вазиристан, Южный Вазиристан, Хайбер [Замараева, 2018]. Второй центр – северо-восточные районы провинции Белуджистан, а именно – Зхоб и Кветта. Кроме того, пуштуны компактно проживают в Карачи, Мултане, Исламабаде, Лахоре, а также прочих городах Панджаба и Синда [Белокреницкий, 2022].

Военно-гражданскому руководству Пакистана приходилось выстраивать сложную систему управления пуштунскими территориями по свою сторону границы. Изолированность полосы независимых пуштунских племен от внешнего мира и фактическая независимость от властей в Исламабаде была нарушена лишь в начале XXI в., когда федеральная армия Пакистана в ходе «войны с террором» после ввода американских войск в Афганистан в 2001 г. установила контроль над основными путями сообщения и населенными пунктами ТПФУ. Основанные в те годы исламистские террористические группировки (в первую очередь – Движение Талибан Пакистана, ДТП) остаются ключевой проблемой в пуштунской приграничной полосе для федеральных властей [Белокреницкий, Сикоев, 2014, с. 172–174].

Главным руководством в борьбе с терроризмом является «Национальный план действий», принятый правительством Пакистана, в 2014 г. после террористической атаки на школу в Пешаваре³. План предполагал отмену моратория на смертную казнь за террористические преступления, рассмотрение террористических преступлений специальными военно-полевыми судами, борьбу с финансированием терроризма, запрет на пропаганду радикальных трактовок ислама, что включало и контроль над образовательными программами в медресе [National Action Plan, 2014].

Также на всей территории страны проводились военные операции против террористических группировок – операция «Зарб-е-Азб» 2014 г. на территории провинции Хайбер-Пахтунхва, операция «Раддул Фасаад» 2017 г. на территории провинции Панджаб, четыре операции под наименованием «Хайбер» являются лишь самыми известными инициативами генералитета в борьбе с терроризмом.

Однако чрезвычайные полномочия и операции против боевиков не устранили проблему терроризма в пуштунских районах. Военно-гражданское руководство Пакистана, вероятно, рассчитывало, что с возвращением талибов в Кабул градус напряженности удастся понизить. Более того, представители правительства ДТ выступали посредниками между пакистанскими властями и ДТП, и сторонам удавалось достигать временного соглашения о перемирии [Khan, 2022 (1)].

Но надежды на долгосрочное урегулирование конфликта не увенчались успехом: ДТП не соглашались с требованием сложить оружие, а Исламабад не собирался возвращать особый статус бывшим агентствам ТПФУ. В результате боевики ДТП возобновляли террористические акты против населения и атаки на представителей пакистанских силовых ведомств [Khan, 2022 (2)].

Местное население провинции Хайбер-Пахтунхва оказалось заложником ситуации: радикальные элементы из ДТП не намерены отказываться от своих требований и собираются продолжать борьбу с федеральным центром, а пакистанские элиты не готовы отступать от своего видения того, каким образом должна быть обеспечена национальная безопас-

³ В результате теракта 16 декабря 2014 г. погибло 150 человек, 134 из которых были школьниками. Школа находилась на попечении вооруженных сил Пакистана, многие школьники были детьми военных. Ответственность за теракт взяло на себя ДТП, теракт был мотивирован поддержкой США и их союзников со стороны Пакистана в операциях против ДТ в Афганистане (прим. авт.).

ность. Их решимость в борьбе с террористами вряд ли принесет мир в земли пуштунов, но остальное население страны будет видеть в них защитников Пакистана. К тому же, согласно официальному дискурсу вооруженных сил Пакистан, ситуацию в Хайбер-Пахтунхве усугубляет «рука Нью-Дели».

ВЛИЯНИЕ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПРОТИВНИКА

Военные элиты Пакистана позиционируют себя в качестве главного защитника страны не только от внешних, но и от внутренних угроз. Генералитет при этом увязывает обострение внутренних конфликтов с зарубежным влиянием, и ситуация с Афганистаном не является исключением.

Сотрудничество спецслужб Афганистана и Индии с целью инфильтрации боевиков на территорию Пакистана не подвергается сомнению в пакистанских экспертных кругах. Более того, обоснование ведущей роли разведки во внешней политике Индии они ищут в стратегической культуре страны, ссылаясь на трактат «Артхашастра» Каутильи [Khetran, 2017]. Распространен тезис о том, что в годы правления афганских правительств Х. Карзая и А. Гани именно Нью-Дели и Кабул якобы дали возможность боевикам ДТГ укрываться от преследования со стороны пакистанской армии, оборудовав для них лагерь, где боевики проводили тренировки и пополняли запасы вооружений [Akram, 2017].

Вывод войск США и их союзников из Афганистана и повторный приход к власти талибов в августе 2021 г. в Индии воспринимались как стратегическая победа Исламабада и полное поражение Нью-Дели: индийские политические элиты на протяжении многих лет отказывались от контактов с талибами и развивали отношения с правительствами Х. Карзая и А. Гани. После кардинального изменения ситуации индийцы были поставлены перед выбором: придерживаться отказа от переговоров с ДТ, предоставляя Афганистан «на откуп» стратегическому противнику, либо налаживать контакты с новым правительством в Кабуле.

Нью-Дели выбрал «срединный путь». Официального признания талибы не получили, но кадровая ротация в индийском посольстве была проведена. При этом, согласно официальной версии Нью-Дели, в Кабул прибыли не дипломатические сотрудники, а «техперсонал», ответственный за распределение гуманитарной помощи [Kaiga, 2023]. Однако даже такие нерешительные шаги со стороны Индии вызвали беспокойство в Пакистане – дискуссии об угрозе инфильтрации боевиков со стороны Афганистана возобновились.

Таким образом, возобновление диалога Нью-Дели и Кабула вернуло третий пункт комплекса проблем на афгано-пакистанской границы в повестку военных элит Пакистана.

ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

«Стратегическая глубина», которую якобы стремятся обеспечить военные элиты страны, так и не была достигнута даже после возвращения к власти талибов. На наш взгляд, сохранение всех перечисленных проблем отвечает интересам Равалпинди⁴.

Во-первых, оспаривание суверенитета Пакистана над землями пуштунов со стороны Афганистана в восприятии пакистанских элит и широких масс населения остается важной проблемой. Единственной силой, способной противостоять этой угрозе, являются вооруженные силы страны. Защита территориальной целостности государства позволяет военным элитам не допускать любой критики в свой адрес и обвинять в предательстве национальных интересов тех, кто нарушает этот запрет.

⁴ Расположение Ставки вооруженных сил Пакистана.

Во-вторых, нестабильная ситуация в провинции Хайбер-Пахтунхва позволяет военным контролировать процесс интеграции бывших агентств ТПФУ в общую систему административного управления. До появления ДТП федеральный центр фактически не вмешивался в жизнь агентств ТПФУ, а после серии антитеррористических операций эти территории были включены в состав провинции Хайбер-Пахтунхва. Дальнейшее обострение противостояния с ДТП будет служить обоснованием для присутствия военных и применения чрезвычайных мер по отношению к лицам, недовольным административной реформой и подозреваемых в связях с террористами.

Наконец, возобновление диалога Кабула и Нью-Дели позволяет военным элитам Пакистана говорить об угрозе со стороны индийской разведки, которая будет использовать Афганистан с целью инфильтрации боевиков ДТП. Противостояние с Индией является одной из констант пакистанской политики – военные продолжают использовать нарратив об индийской угрозе, и возможное сближение индийских элит и талибов лишь укрепит позиции пакистанского командования.

Таким образом, генералитет вновь имеет возможность указывать на угрозу со стороны непосредственно кабульского правительства, на деятельность экстремистов в провинции Хайбер-Пахтунхва, а также на влияние внешних сил как на обоснование своей особой миссии в Пакистане по отражению внешних угроз и сохранению государственности.

ВЫВОДЫ

Убедительных доказательств существования концепции «стратегической глубины», разработанной военно-политическим руководством Пакистана, не существует. Однако реальный комплекс проблем, существующих на афгано-пакистанской границе, занимает важное место в повестке генералитета. Его можно условно поделить на три составных части: проблема демаркации и делимитации границы с Афганистаном, контроль над пограничной территорией со стороны Пакистана, а также возможность использования нестабильности в указанных регионах со стороны третьих стран.

Нам представляется, что как сами проблемы, так и предпочтительные методы их решения пакистанские элиты «унаследовали» от британской администрации и военного командования. Это подразумевает не только преемственность во внимании к проблемам обороны и безопасности на северо-западе страны, но и способ мышления в рамках геополитических конструкций.

При этом ни одна из задач по обеспечению «стратегической глубины» после возвращения талибов так и не была достигнута. Правительство ДТ в Кабуле не готово признать линию Дюранда, противостояние ДТП и федерального центра лишь обострилось, Нью-Дели и Кабул возобновляют диалог.

Пакистанское командование уравнивает угрозы со стороны Индии и Афганистана, что позволяет военным элитам страны обосновывать свою особую миссию по отражению внешних угроз и сохранению государственности. Можно предположить, что весь комплекс проблем останется в повестке военных элит на долгосрочную перспективу, поскольку внутриполитическое измерение «стратегической глубины» имеет большее значение, чем внешнеполитическое и военно-стратегическое.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ/REFERENCES

Белокреницкий В.Я. Пуштуны и пуштунские племена Афганистана и Пакистана – численность и расселение. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2022. № 1(19). С. 12–24 [Belokrenitsky V.Y.

Pashtuns and Pashtun Tribes of Afghanistan and Pakistan: Their Quantity And Settlement. *Journal of the Institute of Oriental Studies RAS*. 2022. No. 1 (19). Pp. 12–24 (in Russian)].

Белокреницкий В.Я., Сикоев Р.Р. *Движение Талибан и перспективы Афганистана и Пакистана*. М.: ИВ РАН, 2014 [Belokrenitsky V.YA., Sikoev R.R. *The Taliban Movement and Prospects of Afghanistan and Pakistan*. Moscow: IOS RAS, 2014 (in Russian)].

Замараева Н.А. К вопросу о реформе Территории племен федерального управления (ТПФУ). *Труды Института востоковедения РАН*. 2018. № 8. С. 267–289 [Zamaraeva N.A. Reforms in Federal Administered Tribal Area. *Proceedings of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences*. 2018. No. 8. Pp. 267–289 (in Russian)].

Замараева Н.А., Раванди-Фадаи Л.М. Пакистан и вызовы афганскому урегулированию (2020–2021 гг.). *Азия и Африка сегодня*. 2021. № 4. С. 25–32 [Zamaraeva N.A., Ravandi-Fadai L.M. Pakistan and Challenges to an Afghan Settlement (2020–2021). *Asia and Africa today*. 2021. No. 4. Pp. 25–32 (in Russian)].

Паничкин Ю.Н. Пакистано-афганские отношения и «Проблема Пуштунистана» в 1947–1962 гг. *Пакистан в современном мире*. М.: Научная книга, 2005. С. 316–330 [Panichkin Yu.N. Pakistan-Afghanistan Relations and «The Issue of Pashtunistan». *Pakistan in the Contemporary World*. Moscow: Nauchnaya kniga, 2005. Pp. 316–330 (in Russian)].

Akram R. Pak-Afghan International Border and Regional Security. *Hilal English*. <https://www.hilal.gov.pk/eng-article/detail/NTYy.html> (accessed: 04.07.2023).

Ali H., Han Zhibin, Hussain I., Ali G. Comprehensive Analysis of R.I. Bruce Maliki System: A Case Study of Mahsud Tribe 1888–1896. *PSAKU International Journal of Interdisciplinary Research*. 2020. Vol. 9. No. 1. Pp. 1–9.

Ayub Khan M. *Friends Not Masters: Political Autobiography*. Oxford: Oxford University Press, 1967.

Devasher T. *The Pashtuns: A Contested History*. Gurugram: HarperCollins Publishers India, 2022.

Dogra R. *Durand's Curse: A Line Across the Pathan Heart*. New Delhi: Rupa Publications India, 2017.

Durand A. *The Making of a Frontier: Five Year's Experiences and Adventures in Gilgit, Hunza, Nagar, Chitral, and the Eastern Hindu-Kush*. London: John Murray, 1899.

Fair C. *Fighting to the End: The Pakistan's Army Way of War*. New Delhi: Oxford University Press, 2014.

Forbes A. *Britain in Afghanistan 1: The 1st Afghan War 1839–42*. East Yorkshire: Leonaur Ltd, 2007 (1).

Forbes A. *Britain in Afghanistan 2: The 2nd Afghan War 1839–42*. – East Yorkshire: Leonaur Ltd, 2007 (2).

General Bek Explains His View of Strategic Depth Doctrine. *Daily Times*. 04.07.2017. <https://dailytimes.com.pk/3733/general-beg-explains-his-view-of-strategic-depth-doctrine/> (accessed: 04.07.2023).

Kaura V. India-Taliban Relations: A Careful Balancing Act, Driven by Pragmatism. *Middle East Institute*. 30.05.2023. <https://www.mei.edu/publications/india-taliban-relations-careful-balancing-act-driven-pragmatism> (accessed: 04.07.2023).

Khan T. TTP extends ceasefire until May 30 as talks continue in Afghanistan. *Dawn*. 18.05.2022 (1). <https://www.dawn.com/news/1690288> (accessed: 04.07.2023).

Khan T. Why and how the TTP is resurfacing in Swat? *Dawn*. 12.10.2022 (2). <https://www.dawn.com/news/1714506> (accessed: 04.07.2023).

Khetran M.S. Indian Interference in Balochistan: Analysing Evidence and Implications for Pakistan. *Strategic Studies*. 2017. Vol. 37. No. 3. Pp. 112–125.

McKay J. Fencing for a Peaceful Future. *Hilal English*. <https://www.hilal.gov.pk/eng-article/detail/NjKxOQ==.html> (accessed: 04.07.2023).

Meher J. Pakistan's Strategic Obsession and the Road to Catastrophe: Is There a Way Out? *India Quarterly*. 2012. Vol. 68. No. 4. Pp. 345–362. <https://doi.org/10.1177/0974928412467248> (accessed: 04.07.2023).

National Action Plan 2014. <https://nacta.gov.pk/nap-2014/> (accessed: 12.05.2022)

Omissi D. *Air Power and Colonial Control*. Manchester, New York: Manchester University Press, 1990.

Roe A.M. *Waging War in Waziristan: The British Struggle in the Land of Bin Laden, 1849–1947*. Lawrence: University Press of Kansas, 2010.

Rumi R. Five Myths That Need to Be Buried for Good. *Daily Times*. 01.07.2017. <https://dailytimes.com.pk/4094/five-myths-that-need-to-be-buried-for-good/> (accessed: 04.07.2023).

Shah A. *The Army and Democracy: Military Politics in Pakistan*. Cambridge, London: Harvard University Press, 2014.

Weinbaum M.G. *Pakistan and Afghanistan: Resistance and Reconstruction*. Boulder: Westview Press, 1994.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

МАКАРЕВИЧ Глеб Григорьевич – м.н.с.
ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, Москва,
Россия.

Gleb G. MAKAREVICH, Junior Research
Fellow, Primakov National Research Institute
of World Economy and International Relations,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.